

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2, ЛИЧНЫЕ СТРАНИЦЫ
ЧЛЕНОВ СОЮЗА СЛАВЯНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

В.Л. ГЕНИС,
О.Ф. ЖЕМАЙТИС

КАЗАЧЬЯ СЕМЬЯ ХРИПУНОВЫХ

ВОСПОМИНАНИЯ КАЛАБИНОЙ

(Статья опубликована в 11-12 номере журнала «Вопросы истории» за 1996 год)

Воспоминания дочери Усть-Медведицкого окружного атамана, записанные по просьбе её племянника (Жемайтиса О.Ф., прим. О.Ф.) в 1988 – 1992 гг), посвящены драматической судьбе представителей трёх поколений старинного казачьего рода и рассказывают о большой дружной офицерской семье Хрипуновых (чем-то напоминающих булгаковских Турбиных), которая была почти полностью уничтожена в период гражданской войны и последующими репрессиями пришедшего к власти режима.

Хотя ещё в 1677 г. некий воронежский посадский Хрипунов ссужал Степана Разина порохом и свинцом (1). Прослеживаемая по архивным документам родословная Хрипуновых начинается с жившего в первой половине 18 века казака станицы Усть-Хопёрской Герасима. Его сын Григорий дослужился до чина сотника, а внук Михаил, начав службу в 1798 г., 25 лет от роду был произведён в урядники и участвовал в сражениях с войсками Наполеона в Пруссии, в войне с Турцией, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии. За боевые отличия во французской кампании ему присвоили звание хорунжего, а в 1823 г. – сотника. Награждённому знаком отличия военного ордена Св. Георгия и орденом Св. Анны 4-й степени Михаилу Григорьевичу Хрипунову, а также его сыну Якову и внукам Захару и Лукии было даровано дворянское достоинство (2).

Упомянутый в воспоминаниях Калабиной её дедушка – Георгий Захарович Хрипунов (1852 – 1919), окончив Виленское училище, служил с 1879 г. в офицерских чинах в казачьих войсках и ушёл в отставку в 1905 г. в звании войскового старшины. В течение нескольких лет он состоял атаманом станицы Усть-Медведицкой, в которой жил вместе с женой Ириной Максимовной, урождённой Михеевой, и вырастил восьмерых детей.

Арестованный 11 марта 1919 г. Особым отделом 9-й Красной армии «за то, что добивался расстрела местным жителям станицы Усть-Хопёрской (так в документе – В.Г.) и хранил у себя дома оперативные сводки белоказачьих

войск, Георгий Захарович был расстрелян, не дожив трёх лет до своего семидесятилетия (3).

Из пятерых его сыновей наиболее яркий след в истории Донского казачества и гражданской войны в России оставили трое – Георгий (1894 – 1919), Михаил (1889 – 1983) и Василий (1874 – 1920). Первый, самый младший из братьев, окончил Донской кадетский корпус и Новочеркасское юнкерское казачье училище, из которого был выпущен в 1914 г. в чине хорунжего. Его храбрость на полях сражений Первой мировой войны была отмечена орденами Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени и Св. Станислава 3-й и 2-й степени (4). Включившись после Октябрьского переворота 1917 г. в вооружённую борьбу с большевиками, есаул Г.Г. Хрипунов командовал 1-й сотней 16-го Донского казачьего полка и погиб 29 января 1919 г. в бою с красной конницей Б.М. Думенко под станицей Пичужинской (5).

Наиболее известный из братьев Хрипуновых Михаил Георгиевич по окончании кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища с 1909 г. служил в Лейб-гвардии Атаманском полку, в 1913 г. был произведён в сотники, а год спустя назначен полковым адъютантом. За отличия в боях против германцев он имел ордена Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степени и Св. Владимира 4-й и 3-й степени. На параде в Царском Селе 23 ноября 1915 г. Николай 2-й пожаловал Михаила Хрипунова званием своего флигель-адъютанта.

Участник «Степного похода» белоказачьих партизанских отрядов под командованием походного атамана П.Х. Попова по Задонским степям М.Г. Хрипунов состоял с мая 1918 г. помощником командира Атаманского полка, в июле получил чин войскового старшины, а в декабре полковника. С октября 1919 г. он уже командовал Атаманским полком, и в ноябре ему было присвоено звание генерал-майора.

После поражения Белой армии в Крыму Хрипунов с казаками оказался в лагере для интернированных на пустынном греческом острове Лемносе. И в связи с реорганизацией полка в январе 1921 г. был назначен командиром Атаманского дивизиона. В июне дивизион перебазируется в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где генерал был вынужден служить в должности прапорщика пограничной стражи (6). А в середине 20-х годов вместе со своими казаками он переезжает во Францию и, обосновавшись в Каннах, работает управляющим имения у одной состоятельной англичанки, одновременно возглавляя созданное в 1929 г. Общество атаманцев (его почётным председателем был Великий князь Борис Владимирович).

С началом Второй мировой войны Хрипунов с женой переселяются в Ирландию, а в 1955 г. – в Женеву, где его как человека глубоко религиозного возводят в чтецы православного собора Воздвижения Креста Господня.

Четыре года спустя Михаил Георгиевич был избран членом Палестинского православного, бывшего Императорского, общества и переехал в Иерусалим в Гефсиманскую обитель. Ежедневно в течение 20 лет старый генерал ревностно выполнял обязанности чтеца в храме Марии Магдалины и пел

басом в хоре. «Он был прекрасного характера», - вспоминает одна из сестёр монастыря, - «добродушный, весёлый, простой, не лишённый доброго юмора. Любил декламировать стихи, читал наизусть из Чехова, на собраниях выступал с речью очень искусной и прочувствованной». В 1968 г. он был назначен председателем Палестинского общества. Скончался Михаил Георгиевич в возрасте 94 лет и похоронен на Гефсиманском кладбище (7). Старший из братьев Хрипуновых, Василий Георгиевич, получив юридическое образование, до 1906 г. служил секретарём гражданского отделения Усть-Медведицкого окружного суда, а затем судебным следователем в Варшаве, имел чин надворного советника. Когда началась Первая мировая война, он был зачислен «охотником» (вольноопределяющимся) в Атаманский полк в звании старшего урядника, но уже в декабре 1914 г. Николай 2-й произвёл его в хорунжии, а в мае 1916 г. последовало очередное повышение – чин сотника.

Полный Георгиевский кавалер, награждённый, помимо крестов, тремя боевыми орденами, почётный мировой судья Усть-Медведицкого округа, Василий Хрипунов также принял деятельное участие в ожесточённой борьбе с красными на Дону и после освобождения весной 1918 г. родной станицы осуществлял гражданское управление округом. Приказом по Всевеликому Войску Донскому от 24 июня 1918 г. генерал П.Н. Краснов утвердил Василия Георгиевича атаманом и командующим войсками Усть-Медведицкого округа, а вскоре от станицы его избрали в состав Большого войскового круга. Взятый в плен красными под станицей Шапсугской (около 70 км от Новороссийска) в марте 1920 г., войсковой старшина В.Г. Хрипунов был расстрелян.

Его старший сын Георгий (1898 – 1937) учился в Варшавской гимназии, а затем – в Донском кадетском корпусе и в Михайловском артиллерийском училище; в 1918 г. служил прапорщиком в запасной батарее в Новочеркасске. Потом – в артиллерийском управлении. При отступлении деникинских войск Георгий вместе с отцом и братом попал в плен к красным и был отконвоирован через Екатеринодар и Москву в Тульский концлагерь, откуда его направили преподавать на артиллерийские курсы в Пермь. После демобилизации в 1922 г. он поступил на службу в сельхозтехникум.

Последнее место его работы – отдел исследований и изысканий Камгэсстроя. Младший брат Георгия, Николай Хрипунов (1901 – 1937), после окончания кадетского корпуса и полугодовой учёбы в Новочеркасском казачьем училище в декабре 1919 г. в чине хорунжего был зачислен в Атаманский полк.

Оказавшись в плену у красных, Николай в Москве попал в госпиталь, откуда его выслали домой, в Усть-Медведицкую. Но поскольку по настоянию бабушки он скрыл своё воинское звание, в августе 1922 г. его мобилизовали для прохождения службы во 2-ом Балтийском флотском экипаже, и в связи с отказом служить на флоте направили в распоряжение Петроградского губвоенкомата в качестве «писарского ученика». В итоге осенью 1923 г.

бывший хорунжий получил назначение писарем в 15-й железнодорожный батальон в м. Стрельна, и уже в феврале 1924 г., не выдержав, рассказал политруку правду о себе, вследствие чего был приговорён к полутора годам принудительных работ с конфискацией имущества. Амнистированный в день суда, Николай служил делопроизводителем в райнефтьторге в Перми и в Свердловске, счетоводом в санатории, старшим бухгалтером строительства Ирбитской фабрики игрушек и культтоваров (8).

Обоих братьев Хрипуновых арестовали в июле 1937 г. В ходе следствия им было предъявлено обвинение, что они, «будучи офицерами в армии Деникина, боролись против Красной Армии и имели постоянную письменную связь с родственниками, эмигрировавшими из СССР, в письмах к которым клеветали на политику партии и советского правительства». По постановлению «тройки» при Управлении НКВД по Свердловской области 14 сентября Георгий и Николай были расстреляны. Вместе с другими казнёнными их похоронили в общей могиле на 12-ом километре автодороги Свердловск – Первоуральск (9).

Несколько слов о человеке, породнившемся с семьёй Хрипуновых, - Андрее Андреевиче Гордееве (1886 – 1977). Уроженец хутора Большой Усть-Медведицкого округа, выпускник Виленского военного училища, Гордеев во время Первой мировой войны, помимо шести орденов, был удостоен высшей офицерской награды – Георгиевского золотого оружия. В «высочайшем приказе» о его награждении говорилось, что сотник 37-го Донского казачьего полка Гордеев «с полусотней казаков сдерживал превосходящие силы противника и, будучи атакован с обоих флангов неприятельской конницей, во главе полусотни контратаками, доведёнными до удара холодным оружием, остановил наступление» (10).

Вернувшись со своим полком на Дон, подъесаул Гордеев в мае 1918 г. возглавил повстанческий белоказачий отряд; с июля состоял помощником командира, а с октября – командиром 16-го Донского казачьего полка, имел чин войскового старшины. После ранения его назначили штаб-офицером для поручений в Усть-Медведицкое окружное управление, и он выполнял обязанности помощника атамана округа, а с августа 1919 г. командовал Усть-Медведицкой сводной бригадой. 29 сентября был произведён в полковники. В январе 1920 г. Андрей Андреевич назначается командиром 17-го, позже – 4-го Назаровского казачьего полка, во главе которого сражается с красными в Крыму, а после ранения и эвакуации оказывается, как и М.Г. Хрипунов, в лагере на Лемносе. Прожив несколько лет в Болгарии, где он входил в состав офицерской сотни 3-го Донского казачьего полка и избирался членом суда чести, Гордеев с женой в 1923 г. перебрался в Париж. Здесь он получил диплом землемера-топографа и окончил высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина, писал статьи о казачестве и истории домонгольской Руси, опубликовал свою «Историю казаков» в четырёх книгах, переизданную в 1992 г. в России. Полковник А.А. Гордеев скончался в возрасте 91 года, на

9 лет пережив свою жену Лидию Георгиевну, урождённую Хрипунову, и похоронен рядом с ней на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (11). Сама Евгения Васильевна Калабина прожила долгую и трудную жизнь. Её единственный сын погиб на фронте в 1943 г. Рукописи её воспоминаний хранятся частично в Музее истории Донского казачества в Новочеркасске, частично – в семейном архиве. Публикация подготовлена В.Л. ГЕНИСОМ и О.Ф. ЖЕМАЙТИСОМ, предисловие и литературная обработка – В.Л. Гениса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГОРДЕЕВ А.А. «История казаков», ч. 2. М. 1992 г. с. 222.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 341, оп. 1, д. 125; ф. 344, оп. 1, д. 310, л. 245, 250.
3. Справка Управления КГБ СССР по Волгоградской обл. от 6 марта 1990 г.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 725, оп. 48, д. 122, лл. 16-17; оп. 49, д. 1069, лл. 29 – 30.
5. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40091, оп. 1, д. 1, приказы №№ 155, 160, 163; генерал-майор ГОЛУБИНЦЕВ «Русская Вандея».
6. Очерки гражданской войны на Дону. 1917-1920 гг. Орёл, 1995 г.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 6711, оп. 3, д. 57, л. 122.
8. Православная Русь, 1983, № 8, с. 13.
9. РГВИА, ф. 3611, оп. 1, д. 909, л. 17; д. 910, л. 19; ГА РФ, ф. 1317, оп. 1, д. 7, л. 65.
10. Справки Управления КГБ СССР по Свердловской обл. от 19 июня 1989 г. и 6 сентября 1993 г.
11. РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 26990, лл. 394-398.

12. РГВА, ф. 5383, оп. 1, д. 1, л. 42, 58, 78, 91, 93, 265, 280; ф. 6711, оп. 3, д. 55, ч. 1, л. 710; д. 62, л. 106, 107, 155 об., 180.

Какой-то наш предок (Мих. Григ. Хрипунов, О.Ф.) отличился ещё в войне с Наполеоном и получил потомственное дворянство. Военное образование имели все Хрипуновы, кроме моего папы – Василия Георгиевича, но и он как казак, несмотря на то, что окончил юридический факультет Киевского университета, должен был отбыть воинскую повинность. Позже он работал в окружном суде в родной станице Усть-Медведицкой, а затем в Варшаве. Когда в 1914 г. началась война с немцами, папа пошёл добровольцем на фронт и был зачислен в лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полк, шефом которого состоял сын Николая 2-го Алексей Романов. В рядах этого полка папа храбро воевал, получил 4 Георгиевских креста и был ранен, после чего лежал в госпитале в Петрограде. Помню, он рассказывал, как в 1916 г. императрица Александра Фёдоровна поздравляла офицеров Атаманского полка с Пасхой, и они подходили по очереди и целовали ей руку, а она каждому дарила по «писанке».

В то время во главе полка стоял Великий князь Борис Владимирович, а последним командиром атаманцев, уже в период гражданской войны был родной брат папы Михаил Георгиевич Хрипунов, или, как мы его называли, дядя Миша.

В начале сентября 1916 г. меня определили в младший приготовительный класс петроградского Екатерининского института благородный девиц. Поскольку мама Евгения Николаевна и моя старшая сестра Женя (моя мама, прим. О.Ф.) уехали в Елисаветград (родители уже давно были в разводе, и мама второй раз вышла замуж), в институт меня проводила прислуга одного из папиных братьев, служивших в столице. После обязательного купания и переодевания в казённую институтскую форму меня привели в класс – большую комнату на первом этаже здания, окно которой выходило в обширный сад; посторонних в сад не пускали, и девочки чинно, не каждый день гуляли там в сопровождении классной дамы. В комнате, оборудованной десятью партами и длинным столом со скамейками, сидели одиннадцать девочек и наша классная дама Надежда Николаевна Хитрово, преподававшая воспитанницам арифметику, русский и французский языки. Она ласково расспросила меня о моих познаниях, а я, надо признаться, очень отставала по французскому.

Перед сном мы пошли в столовую пить чай и как самые маленькие пили его одни, другие классы приходили позже; к чаю обычно подавали булочку с маслом и кусок сахара. Потом классная дама повела нас в дортуар – в комнату, в которой воспитанницы спали, и где за ширмой был устроен уголок для дортуарной девушки. Её звали Аннушкой, она была немолода и казалась злой.

Мне объяснили, как повесить платье и как подойти к классной даме и по-французски пожелать ей спокойной ночи. Полагалось несколько раз сделать реверанс, классная дама целовала каждую из нас в лоб, и мы после этого шли спать. Направляясь к кровати, я нечаянно перевернула свою тумбочку, чем навлекла на себя гнев Аннушки, сердито отчитавшей меня. Это довершило горестные впечатления от новой обстановки и расставания с мамой и сестрой. В комнате потушили свет, горел только синий ночник, Надежда Николаевна ушла, Аннушка тоже, а я горько плакала, укрывшись с головой одеялом, чтобы никто не слышал. Но утром хитрая Сусанна, одна из девочек, глядя на меня, сказала: «кто-то вчера плакал». Желая скрыть свои рыдания, я ответила: «Да, я тоже слышала, как кто-то плакал». Конечно, мы обе знали правду.

Понемногу я привыкла к жизни в институте, где всё было подчинено строгому распорядку и определённым правилам. По утрам мы поднимались в 7 часов, умывались, причёсывались и к восьми шли в столовую пить чай. Затем до 10 час. были уроки, после которых нам приносили по стакану молока с куском чёрного хлеба. В 12 час. подавали завтрак из двух блюд (винегрет, иногда пироги и т.д.). Затем в 3 часа нас кормили кашей или ещё чем-либо, а в 5 часов звали на обед, который часто был вкусным. Особенно мы любили котлеты, и хотя дома наша няня Варвара тоже их делала, и из хорошего мяса, такие аппетитные котлеты, как в институте, у неё не получались.

Приём родных и знакомых был по четвергам после обеда и в воскресенье и другие праздники с часу дня. О начале приёма мы узнавали по запаху дорогих духов, которыми душились классные дамы. Поскольку Атаманский полк стоял тогда в Петрограде, с папой мы виделись часто. Он приходил ко мне в институт с дядей Мишей, который, не порывая с полком, состоял флигель-адъютантом императора Николая 2-го. В то время в Питере были ещё два папиных брата – Григорий, подполковник, и Виктор, кажется, капитан, которые служили в Главном артиллерийском управлении и тоже оба часто навещали меня. Самые лучшие конфеты приносил дядя Витя; когда по какой-либо причине он не мог сам зайти ко мне, оставлял их у швейцара. Всё, что приносили девочкам посетители, укладывалось в корзину, и после завтрака нам разрешали брать из неё конфеты, фрукты или печенье (в класс и в дортуар еду носить запрещалось). Особыми праздниками были дни рождения и именины членов царской семьи. Так как мы не занимались, нас посещали родные и знакомые и за обедом на десерт подавали мороженое, а к чаю, кроме булочки, - кусок торта.

Целый день с утра до вечера с нами проводила время одна из классных дам, – Надежда Николаевна Хитрово или Елена Александровна Гирс, через день сменявшие друг друга. С девочками они говорили по-французски и, помимо этого, Гирс преподавала нам немецкий язык. Начальницу Екатерининского института, вечно больную Елену Николаевну Ершову, мы почти не видели. Зато инспектриса младших классов Любовь Петровна, высокая, худая, с

гладко зачёсанными седыми волосами, часто бывала у нас на уроках. А инспектриса старших классов Елена Михайловна всегда присутствовала на занятиях пения и танцев. Были ещё учитель рисования и священник, преподававший Закон Божий.

Отдыхая от уроков, мы гуляли по саду или занимались гимнастикой, часто подходили к окнам, где у каждой девочки рос в горшочке свой цветок, - Надежда Николаевна покупала за наши деньги всё необходимое, и мы сами сажали луковицы, поливали землю и гадали, какого цвета будут наши гиацинты. Был и аквариум с рыбками. Вечером после обеда мы часто сидели за общим столом и играли во французское лото или что-либо шили для приюта, над которым шефствовала Великая княжна Татьяна (её благодарность висела в рамке на стене).

Надо сказать, что институтские нравы отличались своеобразным демократизмом. Несмотря на то, что в моём классе, состоявшем из 12 человек, учились княжна, графиня и две баронессы, мы обязаны были всю свою почту представлять классной даме в распечатанных конвертах, дабы она могла прочесть наши письма. Потом она сама заклеивала конверты и отправляла их по почте. Так же поступали с письмами, адресованными девочкам: сначала классная дама сама всё читала, затем давала читать нам, и всё это делалось совершенно открыто. Надежда Николаевна просто не выносила, когда на конверте писали: «Её сиятельству» или «Её светлости», далее шли фамилия и имя. Такие конверты она в сердцах рвала и, отдавая письмо, сердито говорила: «Безобразие, девочке писать «Её светлости»! Это к вашим родителям так надо обращаться, а не к вам».

Помню также случай, когда была наказана баронесса Катя Крузенштерн: её мама позвонила в институт, так как «бэби», то есть Катя, забыла, что ей задано на дом. Вернувшись от телефона, Надежда Николаевна с негодованием говорила, что как это так – девочка посмела забыть задание, и её мама (!) вынуждена беспокоиться из-за этого. В то же время классная дама учила нас, что нельзя допускать фамильярности с прислугой, с которой всегда следует держать себя на дистанции.

В нашем огромном двухэтажном с колоннами актовом зале висел большой портрет шефствовавшей над Екатерининским институтом матери последнего царя Марии Фёдоровны. На шее у вдовствующей императрицы было изображено жемчужное ожерелье, и старшие девочки говорили, что если прийти в актовый зал в полночь, то вместо жемчуга видна одна верёвка. В декабре 1916 г. Мария Фёдоровна собиралась приехать в институт, и несмотря на то, что я была хоть и из дворян, но не такая родовитая, как другие воспитанницы, меня – беленькую и самую маленькую по росту – назначили говорить ей по-французски приветственное стихотворение.

Помню из него только несколько слов: «Мы чувствуем всегда вашу материнскую нежность...» Каждый вечер после обеда я репетировала с Надеждой Николаевной, изображавшей императрицу, как должна подойти к ней, прочесть стихи и поцеловать ей руку. Мне объяснили, что я не должна

тянуть руку Марии Фёдоровны к себе, а наоборот, сама тянуться к ней, не сжимать её пальцы, а подложить под них свои, как должна ответить на могущие возникнуть вопросы и отойти, не поворачиваясь спиной, а пятясь назад, лицом к императрице и т.д. Весь институт должен был присутствовать на этой церемонии. Так я репетировала каждый день, но внезапно наши занятия прекратились. Позже я узнала, что в ночь на 17 декабря убили Распутина, и Мария Фёдоровна, почувствовав недоброе, спешно уехала в Англию к своей сестре, которая была замужем за королём Георгом 5-ым, а потом – в Данию. До того, как на ней женился Александр 3-ий, она была датской принцессой Дагмарой.

В святки, с 23 декабря по 6 января 1917 г. я гостила у папиного брата, дяди Гриши, купившего мне зимнее пальто, шапку и другую тёплую одежду. Он жил на Дворянской улице вместе с женой Татьяной Иустиновной, урождённой Городецкой и сыном Серёжей четырёх-пяти лет, и в праздники Рождества и Крещения все Хрипуновы собирались обычно у них. Приходил мой брат Зёка (Георгий), учившийся в то время в Петрограде в Михайловском артиллерийском училище, две сестры тёти Тани – Галя и Оля, папина сестра Лидия и дядя Витя. Святки прошли весело, и когда я вернулась в институт, жизнь потекла по заведённому порядку.

Революция началась стрельбой, и старших девочек, спавших в комнатах с окнами, выходящими на Фонтанку, переселили в дортуары со стороны сада, что внесло какое-то разнообразие и оживление в наш быт. Раньше, когда мы иногда возвращались из столовой в класс без Надежды Николаевны, проходя через актовый зал, всегда бросались к окнам и с упоением наблюдали, как на катке, устроенном на льду Фонтанки, кружатся под музыку одинокие фигуры и пары. А теперь каток не работал и, боясь шальной пули, мы скорее пробегали через тёмный зал в наш дортуар. Хотя я, как и другие девочки, была воспитана в монархическом духе, свержение и отречение Николая 2-го от трона было воспринято мною спокойно, без сожаления, так как даже мы, дети, слышали разговоры старших о Распутине и его влиянии на царскую семью. Тогда было много вымыслов о причастности Романовых к афёрам «святого старца».

В эти беспокойные февральские дни те, кто хотел, мог идти к родным, и меня опять взял к себе дядя Гриша. Погостив у него меньше недели, я вернулась в институт, но вскоре заболела, и меня поместили в лазарет, дали касторку, хину и дело быстро пошло на поправку. В лазарете меня навестили папа и дядя Миша. Свидание проходило в общем салоне всех выздоравливающих и Михаил Георгиевич, ещё недавно блестящий флигель-адъютант императора, молодой и красивый, произвёл большое впечатление на старших девочек. Жизнь в Екатерининском институте шла своим чередом и, надо сказать, мало в чём изменилась, во всяком случае, в первые месяцы революции.

Масленица была, как обычно, с блинами, затем – предпасхальное говение и службы в церкви. Мы как самые маленькие стояли ближе всех к алтарю и уходили из церкви раньше других. Перед самой Пасхой мой брат Зёка

получил в Михайловском училище отпуск, забрал меня из института и увёз в Елисаветград к маме. Осенью она уже не отправила меня в Петроград, так как там начинался голод, и были беспорядки, поэтому в Елисаветграде я поступила в гимназию.

Тогда на Украине было много банд, время от времени захватывающих города, и однажды наш Елисаветград занял отряд Маруськи Никифоровой. Я видела её верхом на лошади, и атаманша показалась мне некрасивой и слегка рябоватой. Потом Никифорова была ранена, и её лечил доктор Корб, которому бандиты пригрозили, что если она умрёт, его расстреляют. Маруська выздоровела, а вскоре банду изгнали из города. Когда мы с Женей уже уехали из Елисаветграда, то по нему прокатилась волна еврейских погромов, устроенных не то григорьевцами, не то петлюровцами. О погромах нам позже рассказала мама, спасавшая соседей – семью Цадиковых и стариков Гольденбергов, которым она помогла забраться на чердак (вход на него был из нашего на чёрной лестнице). Няня пыталась отговорить маму: «Что вы, барыня, делаете? Ведь убьют и вас, и их!». Но мама ответила: «Иначе я не могу. Будь что будет, но когда они плачут от страха, у меня нет другой мысли, как только, как помочь им». Бандиты попадались «добрые» и, поверя на слово, прошли мимо.

Хуже было у податного инспектора Платонова, у которого мама служила в канцелярии, находившейся при его квартире. Поскольку Платонов жил в районе, где было полно евреев, многие из них пришли к нему с просьбой спасти их, ибо его дом, мол, русский, и бандиты никого не тронут. Они плакали и умоляли о помощи. В конце концов Платонов пустил евреев в канцелярию и запер её на ключ, но когда пришли погромщики, они, пройдя по всем комнатам, остановились перед запертой дверью. Хотя Платонов убеждал их, что это его канцелярия, ключ от которой находится у не работающей в связи с беспорядками в городе конторщицы, бандиты начали ломать замок штыком и вскоре открыли комнату. Увидя их, евреи подняли крик и ужасный плач, а Платонов стал просить погромщиков не трогать несчастных. В результате бандиты забрали только ценности и золотые вещи, и ушли, сказав напоследок Платонову: «Вам должно быть стыдно: русский, а спасаете евреев!».

В конце 1918 г. папа прислал нам пропуска в станицу Усть-Медведицкую, в которой он был окружным атаманом. Один казачий поэт, кажется, Ф.Д. Крюков, с любовью писал о нашей станице: «Как ласка матери, как нежный зов её, над колыбелью... Родимый край... Под горой монастырь, тихий угол молитвенных вздохов...». Как сейчас, помню этот считавшийся тогда гордостью станицы монастырь – под горой недалеко от Дона. У папиной мамы, бабушки Ариши, была икона Божьей Матери, написанная кем-то из монашек, очень красивая, а игуменья монастыря Святослава присылала папе как окружному атаману просвиру.

Мой папа был умным и честным человеком. Всех нас – трёх сыновей и двух дочерей – он нежно и сильно любил, заботился, чтобы мы ни в чём не

нуждались и занимались музыкой, иностранными языками и вообще хорошо учились. Воспитанный в патриархальной семье дедушки Георгия Захаровича, бывшего станичного атамана, и бабушки Ирины Максимовны, у которых было восемь детей – пятеро сыновей и три дочери, папа сам стремился создать настоящую семью, но то война, то революции, то гражданское побоище мешали ему. Он хотел, чтобы я и Женя больше знали об истории казачьего рода Хрипуновых, но по-настоящему этим интересовался только мой старший брат Зёка, расстрелянный при Сталине. Как бы я хотела сейчас побыть с папой, поговорить с ним!

Обычно по воскресеньям он брал меня к дедушке и бабушке, которые жили на другом конце станицы, и мы шли к ним пешком. Встречаясь, папа и дедушка обсуждали станичные и домашние дела. Папа хотел тогда купить дом для семьи, и брал меня и старшую сестру Женю смотреть продававшиеся дома, но покупка так и не состоялась. Неужели папа не видел, что положение белых непрочно? Очевидно, нет.

В январе 1919 г. привезли в гробу убитым самого младшего брата отца – есаула Георгия Хрипунова. Горе бабушки Ариши было ужасным: ведь недавно погиб другой её сын, Григорий, у которого я жила в Петрограде на рождественские праздники; его не то убили, не то он умер от холеры, пробираясь из столицы на Дон. (Перед этим дядя Гриша успел отправить в родную станицу свою жену, очень красивую, но такую несчастную тётю Таню и сына Серёжу, с которыми позже я часто виделась в Новочеркасске, куда они переехали и где очень бедствовали).

Дедушка Георгий Захарович тоже сильно переживал гибель второго сына, но как казак и мужчина держался. Очевидно, он и рассказал папе, как зимними ночами бабушка Ариша сидела у гроба сына, который выставляли на холодную веранду, так как ждали из Новочеркасска дядю Мишу, днём же во время панихиды гроб снова вносили в комнату. На папу смерть брата и переживания бабушки произвели тяжёлое впечатление. Мог ли он знать, что уже в марте его отец будет расстрелян красными, да и ему самому, Василию Георгиевичу Хрипунову, осталось жить немногим больше года?

Вскоре после гибели дяди Георгия папа вместе с моим старшим братом Зёкой, тоже жившим тогда в Усть-Медведицкой, уехал в Новочеркасск, а меня и Женю устроил у своей сестры тёти Саши, которая была замужем за двоюродным братом застрелившегося Донского атамана А.М. Каледина. Папа говорил, что атаман покончил с собой потому, что обманулся в казаках: кто, как не казаки, жили зажиточно, и то, что большая их часть перешла в начале 1918 г. на сторону красных, было ему нестерпимо. Все предсказания Каледина с приходом большевиков сбылись, ибо они, особенно во времена Сталина, разорили и извели всё казачество. Даже те из казаков, которые в первые годы Советской власти получили солидные должности, позже всё равно были репрессированы, а большинство Сталин просто выгнал с Дона. У тёти Саши (по возрасту она шла следом за папой) было три мальчика: Зёка (Георгий), Алёша и Коля 5-ти лет, единственный из детей похожий на отца, с

большими чёрными глазами, за которые мы называли его «глазаном». Я удивляюсь теперь тётке Саше, которая с больным сердцем заботилась о пятерых детях, сама доила двух коров, делала масло, творог, каймак, часть продавала, одним словом, обслуживала такую большую семью. Если бы её муж Пётр Алексеевич Каледин не умер от сыпного тифа, он, наверное, не уехал бы за границу вместе с белыми, имея больную жену и трёх сыновей. Вернее, даже четырёх, так как у него на руках был ещё сын от его первой покойной жены – Петя, к которому тётя Саша хорошо относилась и заменила ему мать.

Когда весной в станицу пришли большевики, на постой к тётке Саше определили красных казаков. Они были очень смиренные, к ним приезжали их жёны-казачки, и вечером все собирались в большой комнате и под баян танцевали польку. Моя дальняя родственница Валя по сговору со мной попросила у этих казаков лошадей, чтобы покататься верхом. Они согласились, и мы долго ездили за станицей, а потом отправились к бабушке. Увидев нас, она не удивилась, так как все мы умели ездить верхом, а их лошадь Генза была реквизирована красными, и кто-то видел, как она, плохо ухоженная, тащила тяжело нагруженную телегу. Мы побыли немного у бабушки и поехали домой, причём, по дороге нам вслед неслись недовольные голоса: «Бабы, а на военных лошадях!». Добравшись до дома, мы решили покататься ещё, но нас завернули в Особый отдел 9-й армии, приказали спешиться и составили протокол – кто мы и чьи лошади. Узнав мою фамилию, главный, кажется, это был начальник Особого отдела, спросил, не из тех ли я Хрипуновых, что и расстрелянный Георгий Захарович Хрипунов? Я ответила: «Да, это мой дедушка». Боясь за тётю Сашу и её больное сердце, мы плакали и просили вернуть нам лошадей, но получили ответ, чтобы за ними пришли их хозяева.

Вернувшись домой, мы всё рассказали нашим казакам. Не знаю, что им за это было, но больше мы у них лошадей не просили.

В июне 1919 г. станицу снова заняли белые и домой вернулись наш папа, старший брат Георгий и два других брата: Анатолий – из Донского кадетского корпуса и Николай – из казачьего училища в Новочеркасске. Папа был уже не атаманом, а согласно своему юридическому образованию и прежней должности – прокурором Усть-Медведицкого окружного суда. Вернувшись в станицу, наши родные с ужасом узнали о расстреле красными дедушки. Георгий Захарович был честным тружеником, имел большую семью и всем помогал. Я с одной девочкой ходила за станицу, где откапывали расстрелянных, надеясь разыскать дедушку, но мы его не нашли, поскольку точно не знали, в каком месте произошла его казнь. В одном раскопе были трое – двое мужчин и женщина, родные которой, наверное, знали, где её расстреляли, так как приехали с гробом. Зрелище было жуткое, поскольку этих несчастных закапывали, конечно, без гробов, и они все были испачканы землёй. Бабушка Ирина Максимовна всё надеялась, что дедушка жив, но он перед расстрелом, давая понять, что идёт на смерть, вернул

подушку и снял с себя тёплую фуфайку. Всё это нам отдали, когда мы пришли о нём справиться.

Вообще, во время гражданской войны было много жестокости, как с той, так и с другой стороны, но люди всё же были милосерднее. Когда к тётке Саше Калединой определили на постой красноармейцев, они, зная, что мы из семьи белых, приносили нам в солдатских котелках кашу то из чечевицы, то из пшёнки. А тётя Саша, когда пришли белые и по улице мимо нашего двора вели пленных красноармейцев, выносила из дома хлеб и раздавала его пленным, причём, стража не препятствовала этому. Помню, помогая тётке Саше, я видела, как один пленный грыз какую-то кость, на которой ничего мясного уже не было. Вряд ли пленных кормили мясом, и, скорее всего, эту кость ему кто-то дал. Время было нелёгкое!

Я, Женя и Анатолий прожили с папой до августа 1919 г., когда к станции снова подошли красные, и папа отправил меня и сестру в Новочеркасск к своему другу Василию Макаровичу Миронову, служившему офицером в конвое атамана Войска Донского А.П. Богаевского. Должность эта не была связана с охраной атамана, и являлась скорее штабной, административной. Семья Мироновой состояла из его жены Лидии Николаевны, двух детей, младшему из которых было года два, няни Нюши и вестового Степана, жителя станции Кривянской, расположенной недалеко от города. Папа приехал в Новочеркасск, когда Усть-Медведицу снова заняли красные. Он опять состоял окружным атаманом, хотя для белых и станица, и округ были уже потеряны навсегда.

Вскоре папа устроил меня и Женю в Смольный институт благородных девиц, находившийся тогда в Новочеркасске. Последняя начальница Смольного полная седая княгиня Голицына и её дочь – сестра милосердия, кое-кто из учительского состава, нянечек и воспитанниц жили в институте постоянно и носили его форму. Мы же с Женей были «приходящими» и ходили в своём платье, хотя инспектриса Кологривова предлагала принять нас на стационар. Зная, что смолянки постоянно голодают, мы отказались от предложения инспектрисы и, получая при белых паёк в 200 г чёрного хлеба, отдавали его тем, кто жил в институте. С приходом красных хлеб нам выдавать перестали. Как-то Лидия Николаевна взяла меня в город за покупками. По дороге мы подошли к Атаманскому дворцу, поскольку ей нужно было повидать мужа, и увидела выходящего из дверей атамана Богаевского, которого уже ждал у подъезда запряжённый лошадьми экипаж. Атаман знал всех жён, служивших при нём офицеров, поэтому остановился перед нами, поздоровался с каждой за руку, со мной, обмолвился несколькими словами с Лидией Николаевной и только после этого сел в экипаж и уехал. Богаевский показался мне большим и массивным, держался он просто и был одет в казачий мундир без каких-либо наград – орденов или медалей, которые носил только в торжественные дни или на приёмах. Вообще, ни у кого из офицеров я не видела на груди их боевые награды. Папа в обыденной жизни никогда не носил свои кресты, но все и так знали, что он награждён четырьмя Георгиями. С ними он

сфотографировался по выходе из госпиталя в Петрограде, а потом уже всю колодку с крестами – двумя золотыми и двумя серебряными – украл его вестовой, ушедший к красным.

Вечером, когда у Мироновых обычно собирались офицеры Атаманского полка, Лидия Николаевна вспоминала свою встречу с атаманом. А поскольку у одного из офицеров была любимая поговорка: «На всякий африканский случай», - кто-то из присутствующих заметил ему смеясь: «Ты смотри, не скажи это при атамане», - Богаевского звали Африкан Петрович. Приходил к Мироновым и папин брат дядя Миша, который в 30 лет был уже генералом и командиром Атаманского полка. Он подарил мне и Жене своё чудесное меховое одеяло, почти новое, которое мы повесили во дворе проветрить, и его украли.

Дядя Миша в компании часто пел песни: «Помню я ещё молодухой была», «Гори, гори, моя звезда» и другие. Тогда почти все пели, а Василий Макарович хорошо играл на пианино.

Мой брат Николай, когда приезжал из кадетского корпуса на праздники, пел казачьи песни, а старший брат Зёка играл на пианино и как-то сочинил вальс «Ингульские волны». Папа дал отпечатать этот вальс в нотах и один экземпляр подарил капельмейстеру Атаманского полка, аранжировавшему вальс для оркестра. Когда в торжественных случаях играл полковой оркестр, капельмейстер объявлял, что сейчас будет исполнен вальс сына войскового старшины Хрипунова Василия Георгиевича. После музыкального исполнения папа благодарил капельмейстера, вручая ему деньги, а Зёке в шутку говорил: «Мне твой вальс дорого стоит». Но папа, конечно, гордился своим сыном, и, действительно, у Зёки были золотые руки, и он всё умел делать. Мне, сестре Жене, да и всей семье шил обувь, а позже в Пермском оперном театре работал сапожником-модельером, мог сшить любые сапоги, ботинки, туфли. Тогда же, в 1919 г., он сочинил про всех нас и себя самого шуточные стихи и к этим стихам придумал рисунки. К сожалению, ни то, ни другое не сохранилось.

Что касается младшего брата Анатолия, то он увлекался техникой и всё свободное время проводил в станице на купленной дедушкой мельнице, что-то там изобретал и мастерил.

В начале января 1920 г. мне и Жене пришлось снова прощаться с папой и другими нашими родными, поскольку красные наступали и 7-го числа заняли Новочеркасск. При отступлении белые повесили за мародёрство какого-то своего офицера, кажется, есаула. Он висел на тополе на Московской улице, и на груди этого офицера был приколот листок бумаги с его фамилией, званием и объяснением, за что он казнён. Красные сняли труп через день или два после занятия города.

Пока были военные действия, мы в Смольный не ходили, а когда пошли, к нам на квартиру поселили красных солдат, занявших самую большую комнату. Среди них особенно бесчинствовал один чеченец, остальные были, в общем, терпимы. После этого Лидия Николаевна со

своими детьми и Женей перебрались в квартиру бывшего солдата Атаманского полка Котовского, который перешёл на сторону красных и был назначен, если не ошибаюсь, начальником уголовного розыска. Лидия Николаевна поддерживала связь с его женой Груней, которая их и приютила. Мы же с Нюшей жили вместе с красноармейцами дня три, пока чеченец не потерял шпору. Он потерял её утром и сказал, что если к вечеру шпора не найдётся, пристрелит нас. Для него это ничего не стоило, ибо время было такое, что ему не пришлось бы за нас отвечать. В тот период красные брали в армию каких угодно подонков, а когда их власть укрепилась, начали чистку войск от всякой пены-накипи. Вычистили и нашего чеченца, и спустя сколько-то лет он зашёл к нам, ругал Советскую власть и был уже смиренным. Мы, конечно, в разговоры с ним не пускались и не вспоминали о его выходке, а в то ужасное время боялись его настолько, что, когда к вечеру все красноармейцы, в том числе и он, должны были придти на квартиру, я и Нюша через окно бежали к Котовским. У меня уже начинался сыпной тиф, я чувствовала себя очень плохо, и Котовский пошёл к начальнику этих солдат, и их убрали от нас.

Мы все переболели сыпным тифом, а по выздоровлении снова попали в Смольный. При красных его положение ещё более ухудшилось. Большевики уволили начальницу этого института княгиню Голицыну (оставив, впрочем, работать её дочь), которая казалась старой и больной, но при белых часто появлялась на большой перемене в коридоре, где все гуляли в сопровождении инспектрис или кого-либо из учителей. И мы при встрече склонялись перед ней в низком реверансе. Вскоре, кажется, в июне, княгиня умерла и несмотря на то, что она уже не была начальницей, в последний путь её провожал весь Смольный. Шли пешком, хотя до кладбища было довольно далеко. Похоронили княгиню почти рядом с могилой атамана Каледина. Поскольку я и Женя сильно отставали по французскому языку, когда мы были приняты в Смольный, папа договорился с дочерью хозяйки нашего дома Ольгой Михайловной Косоротовой, окончившей Новочеркасский институт благородных девиц, чтобы она с нами позанималась. Как-то мы разговорились с ней, и оказалось, что она училась с одной из сестёр Стёпы Черевкова, товарища нашего брата Зёки. Они вместе были в кадетском корпусе, а затем Стёпа окончил гвардейское юнкерское кавалерийское училище в Елисаветграде и, получив офицерский чин, погиб в Новочеркасске в начале 1918 г. Ольга Михайловна была на похоронах Стёпы и рассказала нам, где его могила.

Сам полковник Косоротов имел от первой жены двух детей – Ольгу и Володю, с которыми мы соседствовали, живя у Мироновых. Косоротов служил в войсковом трибунале и, со слов Мироновых, был плохим человеком, чего совсем нельзя было сказать о его детях и второй жене Елизавете Стефановне. Через некоторое время после прихода красных она вместе с детьми также переехала к Котовскому, захватив с собой ценные вещи и альбом с семейными фотографиями. Однажды этот альбом

рассматривал какой-то друг Котовского и вдруг, увидя фотографию Косоротова, удивлённо воскликнул: «Этот человек приговорил меня к смерти! Кто это?». Очень испугавшись, Елизавета Стефановна еле слышным голосом пролепетала: «Это мой муж, можете меня арестовать», но получила ответ: «Мы женщинам не мстим за их мужей, а если б встретил самого Косоротова, без сожаления застрелил бы».

Хотя шла беспощадная гражданская война, встречались и милосердные люди, и не все мстили семьям своих врагов. Это потом Сталин вынул из нас душу, и мы стали жестокими и бездушными, все жили в каком-то страхе, неизвестности и неуверенности в завтрашнем дне.

Женя училась в одном классе с Ариадной Скрябиной, дочь известного композитора, красивой и очень похожей на отца девочкой. Все мы любили музыку, и как-то Женя сказала, что Ариадна будет в дортуаре играть на рояле. Она исполняла один из вальсов Шопена, а мы, как зачарованные, слушали её. Вдруг появляется инспектриса Малиновская и говорит: «Это ты, Ариадна, так плохо играла Шопена?». Все были очень сконфужены её словами, и больше Ариадна не играла, но Женя часто о ней говорила, рассказывала, какая она смелая. Ариадна была влюблена, вернее, на институтском языке, обожала нашу историчку, называла её «Афиной Палладой». Однажды в понедельник историчка пришла на урок и попросила девочек, чтобы они не очень шумели, так как накануне она целый день лепила из навоза кирпичи для топки (ведь Донская область – степная). Ариадна удивлённо спросила учительницу: «Вы сами лепили из навоза?», и «Афина Паллада» спокойно ответила: «Конечно, это делала я, Кто же за меня будет делать?». На это Ариадна взволнованно воскликнула: «Сказали бы мне, я пришла бы и всё сделала!».

Мы, дети из обеспеченных интеллигентных семей, в то тяжёлое время стыдились сказать вслух, что кому-то в поисках пропитания приходится, например, собирать совсем зелёные листья капусты. Будучи всегда голодной, я однажды подняла на улице с земли кем-то брошенный огрызок яблока и с удовольствием его съела, думая только о том, какой же это счастливец мог позволить себе так плохо объесть яблоко. А в то время сплошь и рядом были эпидемии тифа, холеры и других болезней. Ариадна же была готова помочь учительнице лепить кирпичи из навоза (!) и не стыдилась этого. Уже потом я узнала, что, оказавшись в эмиграции во Франции, Ариадна участвовала в движении Сопротивления и погибла в перестрелке с немцами; в Тулузе ей установлен памятник. Но всё это было много позже, а пока мы бедствовали в Новочеркасске.

Через какое-то время после прихода красных Лидию Николаевну, у которой мы жили, арестовали как жену белого офицера. Несколько недель спустя её выпустили, и она, чтобы облегчить нашу жизнь, оформила фиктивный брак с поляком Янковским (уехавшим потом в Польшу) и под новой фамилией поступила на службу к Котовскому в уголовный розыск. Летом же в Новочеркасске приехала зубной врач Зинаида Максимовна, которая последней

видела папу, зашедшего к ней в Екатеринодаре. Он отступал с денкинскими войсками и под Новороссийском погиб. Два очевидца говорили разное: один – что папу на его глазах убили, другой – что он на его глазах застрелился. И то и другое могло произойти, но очевидно было одно – папы больше нет. Несмотря на разницу в годах, я очень подружилась с Зинаидой Максимовной, которая всем нам лечила на эвакуационном пункте зубы, а главное, она, как и все казачки, очень хорошо ездил верхом. Поскольку все военные приходили к ней лечить зубы, ей давали лошадей покатайся, а она брала меня с собой. К езде верхом я имела какую-то страсть, чем доставляла неприятности Лидии Николаевне.

Примерно в то же время в Новочеркасск приехал из Петрограда папин брат дядя Витя, бывший офицер-артиллерист, но перешедший на сторону большевиков и служивший в каком-то учреждении. Через несколько месяцев его арестовали, и я ходила к нему с продуктовыми передачами, которые готовила одна женщина, хорошо знавшая семью Хрипуновых. Помню, как я рвыскивала дядю Витю в Новочеркасске, когда его перевели уже в Ростов. Тюрем, видимо, тогда было не так много, как впоследствии, и я пришла в какой-то частный дом, по комнатам которого сновали люди. Когда я спрашивала о судьбе дяди, меня душили слёзы, и начальник, с которым я разговаривала, видя перед собой плачущую девочку, дал указание провести меня по помещениям, где содержались заключённые. В одной из комнат - их было очень много - сопровождавший меня громко выкрикнул нашу фамилию, но дяди Вити там не оказалось. Тогда меня повели в подвал, где в полной темноте в какой-то клетушке сидел единственный арестант, вскочивший, жмурясь от света при нашем появлении. Это был ещё молодой, давно небритый мужчина, но, увы, не дядя Витя.

Разыскивая его, я поехала в Ростов, где жила на вокзале и в те часы, которые проводила не около стен тюрьмы, присматривала за чьими-то детьми, пока их родители ходили по своим делам в город. Однажды дядю Витю с другими арестованными водили в лазарет и я, упросив конвойных, шла рядом с ним в колонне, а он рассказывал мне, к кому можно обратиться в Ростове за помощью. Впрочем, из этого ничего не вышло, и я вернулась в Новочеркасск. Потом я ещё дважды ездила в Ростов, один раз с папиной сестрой тётёй Клавой, но вызволить дядю Витю так и не удалось.

Много натерпевшись, он решил освободиться сам и совершил побег, когда его куда-то перевозили из Ростова. Тогда это было сравнительно нетрудно, так как не было специальных вагонов для перевозки заключённых. Ночью на всём ходу он выпрыгнул из поезда, и хотя конвойные несколько раз выстрелили ему вслед, большего они сделать не могли. Некоторое время он прятался в какой-то шахте, но его нашли рабочие, один из которых избил дядю Витю. А потом они сдали его властям. Это было уже в 1921 г., и люди встречались разные... Тем не менее вскоре дядю Витю выпустили на свободу, так как не нашли в его поступках состава преступления. Таких бродяг, как он, было много. Пожив в Новочеркасске какое-то время, он уехал

в Усть-Медведицкую, и поскольку в то время был уже НЭП, ему вернули дедушкину мельницу. Я жила в Елисаветграде у мамы, и дядя Витя часто писал мне. Он оказался плохим мельником, так как никогда раньше не занимался этим делом, а с окончанием НЭПа завершилось и его недолгое предпринимательство.

Когда мама с сыновьями переехала из Елисаветграда в Пермь, её там как-то в 1932 или в начале 1933 года навестил дядя Витя, перебравшийся на Урал с одним из сыновей тёти Саши Калединой. Больше они о себе знать не давали, и дальнейшая их судьба неизвестна.

По сравнению с голодающим, неухоженным и грязным Новочеркасском станицы жили лучше, ибо привычные к труду станичники были при земле, которая их кормила. Мы, городские, постоянно ездили в близлежащие станицы менять какие-нибудь тряпки на продукты, в основном на картошку. Помню, у нас на дворе на Кавказской улице жил некто Малов со своей семьёй. Чем он занимался и где работал, никто не знал, но он был очень неприятным человеком, и все понимали, что он красный и поэтому были с ним осторожны. Тем не менее с ним и его женой мы несколько раз ездили в станицы менять вещи на продукты. Вдруг узнаём, что этот Малов смертельно ранен. Оказалось, что он сумел втереться в доверие к служившим у белых офицерам и казакам, организовав их подпольное собрание и, когда они пришли на него, по знаку Малова в помещение ворвались красные. Понимая, какой конец ждёт заговорщиков, предводитель белых прежде, чем застрелиться самому, выстрелил в Малова. Что стало с арестованными казаками, я не знаю. Малова же с почестями похоронили красные, а его семья вскоре съехала с квартиры.

Родные Степана, вестового Василия Макаровича Миронова, ушедшего с ним при отступлении белых, очень поддерживали нас и, выделив кусок земли, помогали его обрабатывать. Дни, когда мы ходили на Кривянку, были для меня и Жени настоящими праздниками. Прежде чем идти на посадки, семья Степана кормила нас. Происходило это в курене: низкий стол, низкие скамейки и в качестве еды – большая миска порезанной на куски варёной картошки с солёными огурцами и луком, заправленными постным маслом и огромные ломти серого хлеба. А потом чай, тоже с хлебом и нардеком – коричневым жидким мёдом из арбузов. Лучшей еды, казалось, не могло быть.

Иногда мы запрягали в арбу волов и ехали на обработку огородов и бахчи. Мы обрабатывали свой огород, семья Степана свой, а в полдень или чуть позже разводили костёр и варили вместе какое-то варево и опять же – чай. Помимо меня и Жени, на огороды ездили ещё две женщины и трое мужчин, все молодые. После еды мы ложились спать в тени арбы, поскольку деревьев там не было, но не так спали, как просто лежали и рассказывали всякие смешные истории. Я тогда поняла, что сытый человек – плохой работник, поэтому часа два мы отдыхали, а затем уже трудились, как говорится, не покладая рук. Домой возвращались вечером, зная, что в курене нас ожидает

та же вкусная еда. Потом мы с Женей пешком шли домой в Новочеркасск, иногда везя впереди себя небольшую тележку на двух колёсах, куда складывали обменённые на тряпки продукты.

Летом семьи казаков перебирались на виноградники, которые находились далеко от станицы. Казаки уезжали с детьми, скотом и жили там до тех пор, пока не снимали весь урожай, а на зиму пригибали лозы к земле и присыпали их землёй. Донские виноградники совсем не похожи на крымские. Казаки высаживали три сорта винограда: пухляковский (деликатесный), ладанный (сладкий тёмно-красный) и цикун, шедший главным образом на вино. В это время едой нам служили кисть ладанного винограда и кусок серого хлеба. На обед казачка обрывала в котелок виноград и, перетирая его в жидкую кашу, заправляла её мукой. Получалось что-то вроде мамалыги, которую затем ели с кислым молоком или каймаком.

Как-то в конце лета или в начале осени военный врач эвакуационного пункта одолжил Зинаиде Максимовне на одну ночь бричку с лошадьми, и мы поехали в станицу Цимлянскую менять и покупать кое-что из продуктов. Ночь была лунная и тёплая. При въезде в станицу мы ощутили запах вина, и он был повсюду, так как в это время все жители делали вино. Казаки Цимлянской жили зажиточно, и они нас хорошо угостили, снабдили на дорогу продуктами и вином. Но всё потом, к сожалению, пришлось отдать одолжившему бричку врачу.

Вообще, надолго продуктов нам не хватало, а в магазинах купить было ничего нельзя. Надежда, что скоро вернутся наши ушедшие с белыми родные, пропала. Мы уже догадывались, что они уехали, если и не навсегда, то, во всяком случае, надолго. Надо было надеяться только на себя.

Летом я поступила рассыльной в «Подрем-21», поезд по ремонту подвижного состава, который отправлялся на Украину, - я надеялась попасть к маме в Елисаветград. Это был большой поезд с рабочими и их семьями, которые жили в вагонах. Вечером все собирались в столовой, где Зина, девушка лет пятнадцати, работавшая в поезде вместе с отцом, ставила самовар. Под вечер я и Зина шли в вагон, в котором готовили еду для рабочих, и нам там накладывали в котелки варёво из тарани, немного заправленное раздавленной пшеницей. Второго блюда не полагалось, так как каша из пшеницы считалась деликатесом.

Хотя поезд направлялся на Украину, в Лисках мы получили распоряжение из Москвы следовать на Урал, кажется, в Екатеринбург. Узнав об этом, помощник начальника поезда Кандыба, слышавший, что моя мать живёт в Елисаветграде, сказал мне: «Завезём мы тебя, Женя, на Урал», - и, несмотря на данную мной подписку служить в поезде в течение двух лет, отпустил меня. Из Воронежа в Елисаветград я ехала почти месяц. Поскольку мне как мобилизованной были выданы соответствующие документы, то на станциях я получала хлеб и сахар, иногда вместо сахара выдавали сушёные фрукты. Ожидая посадки на поезд, я жила на вокзалах, где все спали на полу. Рано

утром с вещами нас выгоняли на улицу – начиналась уборка. Хорошо, что всё это происходило в начале осени, и было ещё сравнительно тепло. Так добралась я до Знаменки, где узнала, что поезд в Елисаветград, до которого было ещё 48 километров, пойдёт только через три дня. Какой-то старик вызвался довести группу пассажиров до города. Мы пошли из Знаменки рано утром, а уже под вечер сердце моё радостно забилось при виде знакомых куполов елисаветградской Петропавловской церкви, рядом с которой располагалось церковное кладбище.

С введением НЭПа жить стало легче, но всё равно нас очень выручала младшая сестра мамы, которая, находясь в Швейцарии, вышла замуж за португальца Энрико Фаро и уехала с ним в Лиссабон. Туда же она вызвала свою мать Наталью Степановну Бороздину, - нашу бабушку, - и сестру Соню. Тётя Оля, по мужу Фаро, перечисляла соответствующие суммы в организацию АРА (Американская помощь голодающим России), и за эти деньги нам в Елисаветград присылали американские продуктовые посылки, которые включали 10 кг сахара, по паре банок кокосового масла и несладкого сгущённого молока, какао-порошок. Такие посылки, как продуктовые, так и промтоварные (сколько-то метров бумазеи, шерстяной или другой материи), мы получали по несколько раз в течение ряда лет.

Когда в Португалии в 1974 г. произошла революция, я решила узнать через Красный Крест о судьбе бабушки и сестёр мамы, не надеясь, конечно, застать кого-либо из них в живых. Через несколько месяцев мне сообщили, что, действительно, они умерли, но Энрико Фаро жив и был бы очень рад узнать что-либо о родственниках жены. У нас завязалась переписка на французском языке, а потом он прислал мне приглашение приехать. Несмотря на свой возраст (ему было 88 лет), он выглядел очень бодрым и даже сам вёл машину. Я пробыла у него два месяца, и как-то, разбирая бумаги бабушки и тёток, наткнулась на папину фотографию. На которой он был снят после выписки из госпиталя в военной форме с четырьмя Георгиевскими крестами и двумя значками – юридическим и Атаманского полка.

Такую же фотографию, опасаясь репрессий, я порвала на мелкие кусочки во времена сталинского произвола и позже не могла себе этого простить.

Энрико, конечно, подарил мне эту фотографию...

В 1922 г. мой брат Николай приезжал в Елисаветград из Усть-Медведицкой и рассказывал нам, как рушились устои патриархальной семьи Хрипуновых. Особенно болезненно переживала изменения, произошедшие в казачьей жизни с приходом большевиков, наша бабушка Ариша. Все её сыновья и внуки относились к ней с большим уважением. Она была непререкаемым авторитетом во всех делах семьи. Когда одна из её дочерей, тётя Клава, хотела выйти замуж за офицера Андрея Гордеева, который за ней ухаживал и ей нравился, бабушка воспротивилась и решила, что дочери более подходит некто Котов. Тётя Клава не посмела послушаться, но брак оказался несчастливый, и хорошо, что у неё не было от Котова детей. А Андрей Гордеев в 1918 или 1919 г. женился на её младшей сестре Лиде, и

уже в эмиграции у них родился сын Владимир. Об этом я узнала от дяди Вити, с которым какое-то время вела переписку.

Бабушка жила с тётёй Сашей Калединой, и с ухудшением условий жизни её авторитет постоянно убывал. Бабушка была глубоко верующей, и после гибели мужа и трёх сыновей считала, что их души нуждаются в молитвах. Она верила, что священники являются посредниками между ней и Богом и от их молитв зависит состояние душ как покойных, так и оставшихся в живых. А дабы эти священники усерднее молились, она отрывала от себя и тётки Саше с её детьми часть их скудного пропитания, чаще всего хлеб, которого обычно не хватало. На этой почве тётя Саша ссорилась с бабушкой, а мне было жаль их обеих.

Бабушка потом умерла от рака желудка, а тётю Сашу то ли выгнали из станицы, то ли она уехала сама. Она писала нам в Зиновьевск (так тогда именовался Елисаветград), называла меня «беляночкой», но дальнейшая её судьба мне неведома. Знаю только, что она, как и многие из нас, очень нуждалась и с большим сердцем стирала чужим людям бельё, кажется, в Борисоглебске.

О самом младшем из наших братьев, Анатолии, известно лишь то, что вместе с кадетским корпусом, в котором он учился в Новочеркасске, его эвакуировали в Турцию, затем – в Болгарию. Позже Анатолия усыновила бывшая фрейлина Надежда Николаевна Родигер, с которой он переехал сначала в Париж, а позже – в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где работал на заводе оптических стёкол. Во время сталинщины мы также прекратили с ним переписку.

Два других наши брата – Георгий и Николай – были расстреляны в 1937 году. Сколько же людей проклятый Сталин отправил на тот свет? И за каждым из этих несчастных были его родные, близкие и друзья, которые тоже ждали ареста, и все, как от зачумлённых, отворачивались от семьи осуждённого.

Наша мама, кроткая, тихая женщина, которая всякому старалась найти какое-то оправдание, говорила мне: «Никогда не прощу этому извергу смерть моих сыновей, ведь они были порядочными, честнейшими людьми». А я просила её: «Мама, не надо, даже шёпотом – сейчас и стены имеют уши». Мама умерла в 1949 году, так и не узнав, как погибли её сыновья. Может быть, после невероятных пыток?

Один котовец, друг первого мужа сестры Жени – героя гражданской войны, эстонца А.М. Тукса, как и его друг, награждённый двумя орденами Красного Знамени (речь идёт о Д. Симонове, О.Ф.), как-то говорил мне: «Плюньте в глаза, Женя, тому, кто вышел оттуда и сказал, что не подписал предъявленных обвинений. Я, не участвуя в тех делах, которые мне инкриминировали, подписал всё, что от меня требовали, признался во всём, хотя ничего плохого не совершал. Потому что нет такой силы, которая могла бы вынести эти пытки». Николай и Георгий были реабилитированы в 1989 году.

Как-то в сталинские времена мои сослуживцы говорили между собой про меня: «Какая Женя счастливая! У неё такая чистая биография!». Они не знали, что двух моих братьев расстреляли в тридцать седьмом году как «врагов народа», что во время гражданской войны мой отец был Окружным атаманом на Дону и погиб под Новороссийском при отступлении белых, что мой дедушка, бывший станичный атаман, казнён красными якобы за неуплату контрибуции. А многие мои родственники, выброшенные кровавой междоусобицей из родной страны, стали белоэмигрантами. Надо ли говорить под каким страхом я и Женя жили все эти ужасные годы!? Даже своим мужьям мы не рассказывали правду о наших близких, чтобы в случае, если она вдруг как-то откроется, их совесть была чиста и они, как мы надеялись, смогли бы уберечься от неминуемых репрессий.

Второй муж Жени, генерал-майор Феликс Рафаилович Балтушис-Жемайтис умер в 1957 г., так и не узнав правду о семье Жени. Я же решила рассказать обо всём мужу (подполковнику инженерных войск Игорю Константиновичу Калабину, прим. О.Ф.) только в 1964 году, когда об этом уже можно было говорить.

ПОЧТА

Здравствуйте, Ольгерд Феликсович!

Прочитала Вашу статью «Воспоминания Калабиной». Мои предки тоже из станицы Усть-Медведицкой. Я занимаюсь своей родословной три года. Мне было известно только, что отец моей мамы Аиды Георгиевны, Городецкий Георгий Устинович родился в этой станице. Остальные факты о нём, его родителях и предках (вплоть до 1780 г.) по линии Городецких я узнала по переписке с архивами ГАВО, Киевским и Хмельницким. Мой прадед Городецкий Иустин Александрович, статский советник, преподаватель в Усть-Медведицком духовном училище, родился в Подольской губернии в семье священника. В 1885 г. окончил Киевскую духовную академию. Его жена Лидия Семёновна (фамилию пока не знаю) была дочерью священника. У них было 9 детей: Татьяна, 1892 г.р., Георгий, 1894 г.р. (мой дед), Ольга, 1896 г.р., Анна, 1897 г.р., Екатерина, 1899 г.р., Аркадий, 1904 г.р. и Галя, Таля, Миша, дат рождения которых я не знаю. При крещении Татьяны восприемником был брат прадеда Городецкий Никита Александрович, полковник, начальник пограничной стражи Батумского округа Кутаисской губернии (из метрической книги за 1892 г). В рассказе Евгении Калабиной упоминаются тётки моей мамы: Татьяна Иустиновна Городецкая (жена Григория Хрипунова), Галина Иустиновна Городецкая и Ольга Иустиновна Городецкая. Ваша тётя была свидетелем тех страшных событий и, наверное, она знала о судьбе моего прадеда и его близких. Может быть, сохранились фотографии Татьяны Иустиновны Хрипуновой и её сына Серёжи.

Ольгерд Феликсович, если Вам что-нибудь известно о Городецких, напишите мне, пожалуйста.

С уважением Говорухо Наталья Фёдоровна
Новосибирск.
Мой E – mail «malshet@yandex.ru»

21 сентября 2010 г.

Здравствуйте, Ольгерд Феликсович!

Благодарна Вам за быстрый и добрый ответ. Конечно же, я предполагала, что Вы разместили всю имеющуюся информацию о Ваших родственниках. Но оставалась надежда, а вдруг... ведь в наших, как Вы правильно заметили, исторических изысканиях нет мелочей. Незначительная зацепка, если ещё подключить интуицию и логику, может привести к важным результатам. Очень увлекательное занятие - искать свои корни: интересуешься историческими событиями, в которых принимали участие люди из твоего рода. Когда в 1988 году я поднималась по длинной лестнице к памятнику героям Шипки, перехватывало дыхание, но я даже не могла себе представить, что 100 лет тому назад поручик Городецкий Никита Александрович (брат моего прадеда) двадцатишестилетним молодым человеком участвовал в этой кампании (1877 – 78 гг) и получил медаль «За храбрость». Вот от этого, действительно, дух захватывает. Или получаешь документы, датированные 1848 годом. Вы, наверное, знаете о краеведческой коллекции ОВД. Я прочитала почти все Епархиальные ведомости – там печатали статьи и очерки моего прадеда. Однажды получилось очень забавно. Я читаю иногда рефераты диссертаций по интересующей меня теме. Прочитав одну из них, я стала просматривать литературные источники, среди которых оказались три работы моего прадеда. Сейчас работаю с Томским архивом, исследую линию Мальшед Т.А. Это мама моей мамы.

Недавно я узнала, что дед моей бабушки надворный советник Капитон Куртуков. Куртуковы – один из знаменитых сибирских родов. Первые переселенцы в Сибирь упоминаются ещё при Петре 1-ом в 1719 г. До сих пор в Кемеровской области есть село Куртуково. А по папиной линии архивы молчат. Мой дед Агафонов И.Г., уроженец Амурской области, был приговорён спецколлегией Далькрайсуда к высшей мере. Реабилитирован в 90-ом.

Архивы ссылаются на неполный комплект. Думаю, что дело не в этом. Ольгерд Феликсович, Вы спрашиваете, есть ли у меня фотографии. К сожалению, старых фотографий нет, поскольку мамы родители были в разводе. Она жила в семье у тётки Тали, младшей из детей прадеда Городецкого Н.А. в городе Татарске Новосибирской области. Однажды я попросила маму написать о своей жизни, но когда она садилась писать,

начинала плакать, и мы бросили эту затею. Это тоже одна из причин, которая заставила меня заняться генеалогией.

Конечно, я уверена, что дети моего прадеда общались между собой, так как мама кое-что помнила. Например, тётя Галя (о которой упоминала Калабина) жила в Ленинграде, она была замужем за Дукальским В.Н., капитаном 1-го ранга, сотрудником навигационного гидрографического НИИМО (в 1963 г.). С 1947 по 1956 гг. он был флагманским штурманом. Эти подробности я нашла в Интернете.

Заканчиваю своё затянувшееся письмо. Вы, конечно, меня понимаете – хочется этим делиться. Ведь если бы Вы не опубликовали свою родословную, наши родословные не столкнулись бы.

Обязательно прочитаю все Ваши статьи в Интернете.

Ольгерд Феликсович, если в процессе своих поисков найду что-нибудь о Хрипуновых (ведь был наш общий родственник Серёжа Хрипунов) обязательно Вам сообщу.

Вы спрашиваете, можно ли разместить моё письмо в статье «Воспоминания Калабиной». Конечно, можно, я буду только рада.

С уважением Говорухо Наталья Фёдоровна.

25 сентября 2010 г.